

*Свидетельства воинов
о помощи Божьей
на войне*

СЕРГЕЙ ГАЛИЦКИЙ

ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ...

Выбор сильных

Сергей Галицкий

Из смерти в жизнь...

Выбор сильных

«Галицкий С.Г.»

2019

Галицкий С. Г.

Из смерти в жизнь... Выбор сильных / С. Г. Галицкий —
«Галицкий С.Г.», 2019

В седьмой части книги «Из смерти в жизнь... Выбор сильных» Сергей Галицкий расскажет читателям о тех немногих православных священниках, которые воевали в Афганистане до принятия сана или участвовали в боях на Северном Кавказе, уже будучи священниками. Их боевой и духовный опыт безо всякого преувеличения является бесценным — ведь они знают о войне не понаслышке... Очень важно этот опыт передать нашим молодым солдатам и офицерам.

© Галицкий С. Г., 2019

© Галицкий С.Г., 2019

Содержание

От автора	6
Снайпер Кравченко	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Галицкий

Из смерти в жизнь... Выбор сильных

Сергей Галицкий – известный Санкт-Петербургский писатель, член Союза писателей России. Автор серии фотоальбомов «Они защищали Отечество» о войне в Афганистане и современных кавказских военных кампаниях и книг «Из смерти в жизнь...», в которых собраны достоверные свидетельства о помощи Божией советским и российским солдатам и офицерам на войне (электронные версии книг <http://blog.zaotechestvo.ru/readmybook>).

Победитель VII всероссийского конкурса Русской Православной Церкви «Просвещение через книгу» и лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга. По материалам фотоальбомов и книг в Санкт-Петербурге открыты музей «Они защищали Отечество» и музей «Спецназ за Отечество!».

В 2018 году по книге «Из смерти в жизнь... Выбор сильных» известным петербургским режиссёром-документалистом Алёной Поликовской был снят фильм «Выбор сильных».

От автора

*«Если Бог за нас, кто против нас?»
Послание к Римлянам. 8:31*

Над этой книгой о военных священниках мне пришлось работать почти пять лет. В 2013 году я решил найти тех из них, кто воевал в Афганистане и на Северном Кавказе до принятия сана или участвовал в бою, уже будучи священником. Найти таких батюшек было не просто: как выяснилось, их не так уж и много. Однако записать их рассказы оказалось ещё сложнее, чем их разыскать! Хорошо помню свой разговор по телефону с игуменом одного большого монастыря. В этом монастыре практически никто не знает, что их игумен воевал в Афганистане. Я почтой отправил в монастырь вышедшие ранее книги «Из смерти в жизнь...», а через некоторое время позвонил и попросил игумена рассказать о своей военной судьбе для книги. На моё предложение он ответил кратко и твёрдо: «Это было давно, я не хочу об этом вспоминать».

До этого прихожанка храма этого монастыря мне рассказала, что в Афганистане с игуменом, тогда ещё советским офицером, произошла страшная трагедия. В его подразделении в одном бою погибли все солдаты, в живых остался он один. Только те, кто воевал, могут по-настоящему оценить, что значит для командира потерять всех своих подчинённых... Офицер даже не хотел возвращаться к своим. Но ему явилась Пресвятая Богородица и сказала, чтобы он возвращался. И добавила: «Будешь служить Мне».

Мне очень хотелось написать ещё об одном явлении Пресвятой Богородицы нашим воинам в Афганистане. Во второй части книги «Из смерти в жизнь... Советские солдаты России» я уже приводил рассказ старшины Виктора Чередниченко о явлении ему перед боем Пресвятой Богородицы в мае 1986 года в Кабуле. Но на всё Божья воля... Значит, время ещё не пришло.

Та же прихожанка рассказала ещё об одном своём знакомом священнике, который тоже воевал в Афганистане. Я отправил ему свои книги, потом позвонил. Но и этот священник произнёс практически те же самые слова, что и игумен монастыря: «Я об этом вспоминать не хочу». Его судьба на войне сложилась ещё более трагично – в Афганистане он попал в плен. Даже трудно себе представить, что ему, молодому солдату, пришлось там пережить...

В конце концов всё-таки удалось найти четверых священников, которые рассказали о своих военных судьбах. Один из них, отец Николай Кравченко, шесть лет воевал в Афганистане снайпером армейского спецназа. После Афганистана он побывал почти во всех горячих точках на территории бывшего Советского Союза, осетино-ингушский конфликт, Абхазия. В январе 1995 – первый штурм Грозного и бои в горной части Чечни... Казалось бы, впереди майора Кравченко ожидает успешная военная карьера, основой которой должен был бы стать такой богатый боевой опыт. Но, неожиданно даже для себя самого, профессиональный снайпер спецназа ВДВ Николай Кравченко становится священником! Благословил его на это архимандрит Кирилл (Павлов). И уже военный священник Николай Кравченко около двадцати раз побывал на Северном Кавказе в командировках, не раз проезжая там по хорошо знакомым местам...

Отец Константин Волков почти два года воевал в Афганистане в знаменитом 781-м отдельном разведывательном батальоне, который дислоцировался в Баграме. «Ночные волки майора Николаева» – так по имени комбата, майора Александра Николаева, разведчиков 781-го батальона называли радиостанции Би-би-си и «Голос Америки». На счету батальона – десятки забитых «духовских» караванов. Рядовой Константин Волков совершил в Афганистане более семидесяти боевых выходов. А после службы неожиданно для себя и для своих родных стал священником...

На долю двух других героев книги – протоиерея Андрея Немькина и протоиерея Дмитрия Василенкова – выпало участвовать в бою, уже будучи священниками. Отец Андрей в марте 2000 года в составе знаменитого отряда спецназа внутренних войск «Росич» штурмовал село Комсомольское в Чечне. Отец Дмитрий в июне 2009 года в колонне внутренних войск попал в засаду у чеченского посёлка Элистанжи. В этом бою он был ранен. Полный рассказ отца Дмитрия об этом случае приведён в третьей части книги «Из смерти в жизнь...». В этой книге отец Дмитрий расскажет читателям об очень сложных духовных проблемах, с которыми люди неизбежно сталкиваются на войне, и о способах их решения.

Всех этих четырёх священников объединяет главное: они умеют и любят не только работать, но и просто общаться с военными. Это дается им легко потому, что и сами они в душе – люди военные. Я уверен, что боевой и основанный на нём пастырский опыт героев книги будет востребован как самими российскими солдатами и офицерами, так и теми военными священниками, которые работают сегодня в воинских частях уже на постоянной основе.

Снайпер Кравченко

Краткая биографическая справка

Иерей Николай Кравченко, клирик храма в честь Корсунской иконы Божьей Матери в посёлке Глинково Сергиево-Посадского района Московской области, родился в 1964 г. в семье военного лётчика на Чукотке в посёлке Ламутское. После окончания школы поступил в ПТУ № 50 г. Ленинграда.

В ноябре 1982 г. был призван на срочную службу. С ноября 1983 г. проходил службу в Афганистане в составе 15-й бригады армейского спецназа. После окончания срочной службы остался на сверхсрочную. После Афганистана прошёл горячие точки – осетино-ингушский конфликт и Абхазию. В составе 45-го полка спецназа ВДВ участвовал в штурме Грозного в январе 1995 г. и в Первой чеченской военной кампании.

Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За Отвагу» и другими государственными и общественными наградами. В 1998 г. уволился в запас в звании майора. В 1999 г. рукоположен в сан иерея. Проходил служение в храмах Сергиева Посада и на Чукотке. По поручению Синодального отдела по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами совершил около двадцати командировок на Северный Кавказ. Женат, пятеро детей.

Рассказывает священник Николай Кравченко:

– Родился я в 1964 году на Чукотке в семье военного лётчика. Отец – казак, мама – тунгуска. Детей в семье нас было семеро. На тот момент отец уже уволился в запас. В посёлке он был начальником аэродрома и, по совместительству, механиком всех механизмов, какие только были в посёлке.

В три года отец посадил меня на коня и подарил «мелкашку» (мелкокалиберную винтовку. – Ред.). Это же Чукотка, тайга кругом! Здесь только тогда тебя мужиком признают, если ты что-то руками можешь сделать: зверя на охоте добыть, рыбу поймать, еду приготовить...

У нас на Севере от армии косить было как-то не принято, стыдно. Армия была показателем того, что ты, как мужик, состоялся. Если не служил, даже жениться было сложнее. Про таких у нас говорили: дефективный.

Сам я очень хотел попасть служить на флот! С этой целью сразу после школы срочно поехал в Ленинград, чтобы меня оттуда на флот призвали. Поступил в ПТУ № 50. Жил с надеждой, что вот-вот придёт из военкомата повестка, и я попаду на флот. Приходит повестка. Я, радостный, уверен, что иду на флот! Мне предварительно именно так в военкомате и сказали. Но неожиданно меня отправляют в десантную учебку! Пришёл «покупатель» из ВДВ, стал отбирать для себя людей. Посмотрел внимательно. Городским сразу: «Шаг назад!». Потом остальным: «Чукотка, Камчатка, Якутия – шаг вперёд!». Таких нас оказалось семеро. Меня спрашивает: «Ты оружие в руках держал?». Отвечаю: «Да, держал». – «Стрелять-то умеешь?». Я: «Семья наша не голодала». – «Хорошо». Получается, что этот разговор и определил всю мою дальнейшую армейскую судьбу.

Тогда я мало что знал о десантных войсках. В то время в кинотеатрах шёл культовый фильм «В зоне особого внимания». Я, конечно, его посмотрел. У меня с детства «неба» было много, у отца почти все друзья – лётчики. Подумал тогда: можно и в десант. В ВДВ тоже тельняшки носят, как и на флоте. (То, что десант – это действительно моё, я понял уже позже.)

У нашей учебки с самого начала было направление на Афганистан. Мы знали это заранее. Призывался я в ноябре 1982 года, а в Афганистане оказался уже в феврале 1983-го. Попал служить в 15-ю бригаду армейского спецназа. (В Союзе бригада базировалась в Чирчике.)

По воинской специальности я был снайпером. Но снайпером я стал не только потому, что метко стрелял. Здесь очень важно умение быть незаметным и иметь терпение. Ведь иногда сутками приходилось лежать, затаившись так, чтобы даже листик вокруг тебя не шелохнулся!

На войне я ходил на задания, как грибник в лес. Увидел цель – и как гриб, срезал. Главной целью для меня были командиры и снайперы противника. Но если обнаруживал у «духов» рацию, то работал и по самой рации, и по радисту. Если попадался пулемёт – выводил из строя и сам пулемёт, и того, кто был за ним. Если только это не был ребёнок. На детей рука не поднималась... Хотя мне приходилось сталкиваться с тем, что «духи» даже детей за пулемёт ставили! В Афганистане снайперов-женщин не было. А вот в Чечне на стороне «духов» таких женщин-снайперов воевало довольно много. Однажды мы разом шестерых накрыли, когда они спали в крытом кузове грузовика. По документам все оказались родом из Прибалтики.

Но в 15-й бригаде я больше числился. Меня постоянно посылали туда, где был нужен снайпер. Командировали в разные места. Сначала забрали в одно из подразделений, которое работало в районе Урузгана. Потом меня долго перетаскивали то туда, то сюда. Точно не могу сказать, почему так было. Может быть, в тот момент в Афганистане была нехватка в снайперах.

Афганистан у меня получился очень затяжной. Я там и срочную отслужил, и на сверхсрочной остался. Меня иногда спрашивали: «Ты почему в Афгане так долго был? Тебе что, там понравилось?». – «Да нет, просто так вышло». Когда после срочной службы я приехал домой, то даже маме не сказал, что я в Афганистане делал. У меня были медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. (Сам я больше ценил медаль «За отвагу». Красную Звезду в армейской среде в шутку называли: «большой октябрятский значок».)

Мама спрашивала: «Ну, что вы там делали?». Я: «Деревья сажали в труднодоступных местах. А как солдат поощрить? Нет же особых подарков. Вот мне и дали медаль с орденом». Короче, изворачивался, как мог, чтобы хоть как-то объяснить маме свои награды.

Когда я после срочной оказался дома, то понял, что на гражданке я не приживусь. Не смогу... Война ведь человека быстро чеканит: если да – то да, а если нет – то нет. Война полуправду не принимает. Особенно это остро ощущаешь, когда из зоны боевых действий попадаешь, как с корабля на бал, в мирную жизнь. Здесь тебе без зазрения совести прямо в лицо врут, и ты ясно понимаешь: то, что важно для тебя, для других – просто какая-то чепуховина.

Решение пришло сразу. Маме я сказал: «Мне надо возвращаться в армию». Она сначала воспротивилась. Потом спрашивает: «Почему?». Говорю: «Я здесь жить не смогу. Меня или посадят, или я сам с собой что-нибудь сделаю». Мама целую ночь думала. Я ещё спал, а она утром подошла тихо, села рядом. Догадалась, наверное, что что-то в Афганистане было не так, как я ей рассказывал. К тому же, видать, она заметила, что ноги у меня побиты осколками. Я проснулся от её прикосновения – она гладила мою ногу, где та особенно сильно была повреждена. Сказала: «Если так надо, значит, езжай. Я не переживу, если тебя посадят...». Я понял, что для неё это было по-настоящему мучительное решение, и очень благодарен ей, что она меня тогда не остановила. Так я вернулся в свою часть на сверхсрочную.

После окончания войны в Афганистане, уже после вывода войск, пришлось полежать немного в госпитале. Второй раз за время службы... К тому времени я уже был сержантом. После реорганизации я перевёлся служить на Северный Кавказ. Мой командир – туда же. Он меня сразу на офицерские курсы отправил. После курсов сначала случился осетино-ингушский конфликт, потом – Абхазия. И почти сразу после Абхазии – Первая чеченская...

Конечно, Афганистан прошёлся по душам людей. Почти сразу после окончания войны распался Союз. Многие мои друзья оказались за границей. Помню, как уже позже, в Чечне, с одним «афганцем» встретился. Мы пленного боевика взяли, а он оказался наш, «афганец»! Допрос очень тяжело шёл. Парень принял ислам, и для него мы стали словно прокажённые. Но в какой-то момент у него понимание всё-таки включилось – в Афгане мы же были все вместе!

Начал говорить: «Я в Афгане водилой был, там-то и там-то». Я: «Так это же наша колонна была!». И всё, после этого сразу пошёл у нас с ним разговор.

Афганистан для нашего поколения был переломным моментом. И с верой в Бога в первый раз я столкнулся именно в Афганистане, в последние два года войны. В то время в армию стали приходить уже открыто верующие люди. Мы сами стали что-то о вере узнавать. Пришёл к нам Толик из Белоруссии. Он знал молитву «Отче наш». Для меня тогда это было вообще что-то совершенно непонятное. Но интересное! Однажды в бою я три строчки из этой молитвы прочитал, которые смог вспомнить. Мне так легко и спокойно стало! Потом командир подошёл, спросил: «Ты чего дурака валял?». – «А вы что имеете в виду?». – «Поднялся, как на параде». – «Мне так было удобно стрелять». – «Так тебя ж завалить могли!». Я сам в тот момент совершенно не подумал об этом, как будто выключился. Спокойно встал и с колена стал стрелять. Мне почему-то так действительно удобно было. Когда прокрутил в голове этот момент, вспомнил про «Отче наш». Подумал: «Интересно... Надо всю эту молитву выучить».

В те времена с духовной литературой было трудно. Но я молитву нашёл и выучил. В духовном плане для меня огромную роль сыграла Абхазия. Именно там мы перед боем стали читать «Отче наш». Я слышал, как кто-то говорил, что там православные с мусульманами воевали. Нет, не было там никакого религиозного конфликта. Там ведь православные против православных воевали – грузины против абхазов. (Правда, что с одной стороны – половина неверующих, что – с другой.) Так что это был чисто территориальный конфликт.

В 1993 году я был в отпуске дома, на Чукотке. Уже собрался возвращаться в свою часть. В Анадыре зашёл в храм (он тогда ещё только-только строился). Матушка в храме мне говорит: «Мой сын учится в семинарии, в Сергиевом Посаде. Передашь ему посылочку?». Тогда я вообще не знал, что есть такой Сергиев Посад. Стал узнавать. Мне говорят: «Да ты что! Там же Троице-Сергиева лавра!». Ни о какой Лавре я тоже ничего не слышал. Подумал: «Ну, ладно. Заеду». Отпуск мне позволял.

Приехал в Сергиев Посад, нашёл там Лавру и семинарию, посылочку парню передал. И остался на три дня. Меня устроили в гостиницу для паломников. Потом поехал в часть.

Снова я приехал в Сергиев Посад в марте 1994 года и стал искать известного старца Кирилла. К тому моменту я уже знал, что есть в Лавре старец, который всю Великую Отечественную войну прошёл в пехоте, участвовал в обороне Сталинграда. Захожу в Лавру – тишина такая вокруг! Вижу – монах по дорожке идёт, лицо рукой закрывает. Холодно было, морозец. Говорю ему: «Батюшка, такой вопрос меня интересует. Где здесь можно найти старца Кирилла?». – «Какого старца?». – «Ну, старец здесь есть, Кирилл!». – «Какой же он старец? Он обычный старик». Я от него не отстаю: «Батюшка, а как ваше святое имя?». Он: «Грешный монах старик Кирилл». Этот монах и оказался как раз архимандритом Кириллом (Павловым), которого я искал.

Когда я уже собрался в часть возвращаться (тогда я служил в спецназе ВДВ) отец Кирилл меня спрашивает: «Командировка у тебя?». – «Да, в Югославию». (Я действительно должен был со своей группой ехать в Югославию.) Он: «Да нет, какая там Югославия! Ты дома пригодишься». Я про себя думаю: «Батюшка – гражданское лицо, живёт в монастыре. Ну что он может знать? У меня уже предписание есть!». Помню, вроде бы при этом я даже как-то снисходительно улыбнулся. Но, что было просто невероятно, ни в какую Югославию я действительно не попал! Вместо неё в конце 1994 года оказался в Грозном. В Первом штурме Грозного мне пришлось принимать участие с самого начала. На тот момент самыми боеспособными оказались десантные части, поэтому все дыры затыкали именно десантниками.

В самом начале штурма Грозного произошло событие, которое впечаталось мне в память на всю жизнь. Мы на броне медленно продвигаемся по улице. Я сижу на первом бэтээре и просматриваю дорогу в прицел снайперской винтовки. Вдруг вижу, как из подвалов и подъездов на улицу выбегают женщины, соединяются в одну толпу и бегут к нашей колонне. Они

все бегут нам навстречу и кричат: «На-ши! На-ши!!!». В толпе – и дети, и пожилые женщины. (Это были русские люди, которые не успели уехать.) А позади всех, с трудом переставляя ноги в валенках с калошами, ковыляет совсем древняя старушка с палкой. Она кое-как доковыляла до меня и уткнулась лицом мне в бушлат. Долго так стояла и плакала, плакала... Столько лет с тех пор прошло, а эта бабушка до сих пор у меня перед глазами стоит словно живая. Как вспомню, аж сердце от боли сжимается... Мы отдали женщинам все продукты, что были у нас с собой, и двинулись дальше...

Обстановка тогда менялась буквально на глазах. Бывали, конечно, и грамотные операции. Но чаще они планировались и переделывались прямо на ходу. Однажды мы с группой практически случайно пришли на помощь двум взводам пехотинцев, которые к тому моменту уже почти сутки были заблокированы в здании старого университета. Наша группа уходила от преследования, мы укрылись в полуразрушенном здании университета. На одном из этажей обнаружили бойцов-срочников. С ними был один офицер, капитан. Я так понял, что пехотинцы эти были наступающей группой. Зашли в университет, закрепились. Но в течение суток обстановка поменялась, и они оказались на «духовской» территории, как в капкане.

Связи нормальной у нас не было. В городских условиях не всякая рация срабатывает (железобетонные конструкции гасят радиоволны). Мы очень надеялись, что соседи услышат звуки боя и придут на выручку. Ведь патроны и у нас, и у пехотинцев были на исходе...

Бойцы-пехотинцы, увидев нас, конечно, оживились! Психологически им стало легче – ведь к ним пришли, как часто тогда говорили, «старшие братья». Во-первых, мы почти что все были взрослыми мужиками. А во-вторых, прозвучало сакральное слово: спецназ! Наверное, бойцы про себя подумали: это пришли настоящие спецы! Сейчас как начнут работать! Всех «духов» враз поубивают! Но мы-то самом деле оказались точно в такой же ситуации, как и они! Поэтому внутри мы чувствовали себя, конечно, совсем не так бодро, как казалось снаружи. Но всем своим видом показывали, что всё под контролем. В результате бойцы чуть приободрились. Это было уже хорошо.

Вместе с их командиром мы стали обдумывать план действий. Определились, где находятся наши, где – противник. «Духи» стали со стрелкового оружия обстреливать не только нас на первом этаже, но и вообще всё здание. Такой неприцельный обстрел был не особенно опасен. Но в какой-то момент появилась опасность уже и реальная. По характеру попаданий я определил, что по нам работают снайперы... Причём, как минимум, – двое. Подумал: «Ну вот, начинается моя работа...».

Мы как спецов себя до этого никак не показывали. «Духи», наверное, думали, что в этом здании находится только обычное пехотное подразделение. А пехоты они не боялись. Они понимали, что подразделение, скорее всего, деморализовано. Практически так оно и было. Воинский дух у бойцов ещё был, а вот воля к жизни угасала... Какая-то апатия на них напала. Так на войне бывает. Приходит апатия, и человек думает: «Убьют – да и пусть...».

Я долго вычислял, откуда лупят снайперы. Сам не знаю как разглядел дырку в основании памятника в виде стелы, который стоял на площади. Думаю: «Ну никак не может быть у памятника пустотелое основание! Так не бывает!». Но снова смотрю и опять вижу – есть дырка, точно есть! Получается, что под памятником существует небольшое пространство. Может быть, коммуникации там какие-то проходили.

Если стоять к памятнику лицом, то на левом углу, метрах в тридцати от самой стелы, просматривалось треугольное сооружение, крыша которого уходила прямо в землю. Скорее всего, этот и было входом в помещение под стелой. (У нас в городе я тоже видел такие будочки. Обычно именно так и выглядит технический вход в подземную часть.)

Ещё до того, как я вычислил снайпера под памятником, из этой будки вышли трое. Они встали с противоположной от нас стороны памятника. Видно нам было только три головы – они торчали сверху.

Позвал пулемётчика из своей группы. Говорю: «Дима, давай разом! Ты левого снимаешь, я – правого». Дима с сомнением говорит: «Не знаю, попаду ли я... Мелкая цель». Действительно, сверху было видно только по полголовы. Говорю: «Тогда давай так: я начну, они побегут ко входу. Ты тогда бей прямо в проход!». У нас всё получилось. Так мы этих троих и отработали...

После этого «духи», наверное, в свою очередь, вычислили нас. Снайпер внутри стелы сразу активизировался. Понял, что здесь, кроме пехотинцев, есть кто-то ещё. У пехоты ведь своего пулемёта не было, целые сутки до этого стреляли только автоматы. А тут вдруг заработал пулемёт! Пулемёт отличается по звуку выстрела, даже если стреляет одиночными. Снайперскую винтовку тоже слышно, у эсвэдэ (СВД. Снайперская винтовка Дегтярёва калибра 7,62 мм. – Ред.) совсем другой звук.

Вдруг мне на голову прилетает кирпич! Точнее, полкирпича. Я второй раз в жизни надел каску! Первый раз надевал, когда в армию только призвали. А здесь вижу – каска лежит. Ну, я её и надел... Наверное, это Ангел-хранитель мне помог. Было так: только я каску надел, как мне по башке что-то прилетело!.. Кругом красная пыль. Ничего не понимаю... Присмотрелся – рядом валяется полкирпича. Глянул наверх – от внутреннего угла помещения откололась как раз эта половина кирпича. Взял кусок в руки. Видно, что в кирпич попала пуля и отколола половину. Стрелял снайпер выше меня метра на полтора. Может быть, ему что-то наверху померещилось, может там тень какая-то мелькнула...

Этот кирпич мне помог понять, что есть ещё один снайпер, который сидит в двенадцатиэтажном здании. Долго – минут пять – я его вычислял. Вычислял, вычислял, вычислял... Самому ведь тоже нельзя палиться. Поэтому я сидел тихо и в щёлочку смотрел, высотку разглядывал. В бинокль театральный. Наконец, получилось! Понял, что снайпер засел на девятом этаже. Он воспользовался тем, что на арматуре висела штукатурка. С её помощью он и замаскировался – сзади стоял и оттуда лупил. Тут, можно сказать, наступил мой звёздный час. Второго снайпера под памятником я потом тоже отработал...

А дальше произошло то, что мы точно не планировали! Был с нами такой Рома. Боец, конечно, очень специфический – конченный алкоголик. Непонятно, как он в армию попал, как его вообще взяли... Так вот, нюх на алкоголь у него был просто потрясающий! Этот Рома в здание, в котором пехота находилась уже целые сутки и всё вокруг, само собой, облазила, всё же умудрился найти спиртное! В подвале, где стояли трёхлитровые банки с консервированными компотами, огурцами, помидорами, Рома умудрился найти одну (единственную!) трёхлитровую банку с вином. Не знаю уж, какой собачий нюх для этого надо было иметь! Наблюдаем: Рома вылезает из подвала уже поддатый, несёт нам банки с соленьями. Перекусили малёхо. Рому к тому моменту уже прилично развезло. Командир ему даже по башке за это дал. За то, что пьяный. Но что с него, с пьяного, возьмёшь?

На самом деле Рома оказался парнем героическим. Ему многое прощали за то, что душа у него была хорошая. Однажды (это было позже, уже не в Грозном) мы попали в окружение. Боеприпасы у нас заканчивались. Пока старшие офицеры определяли план действий, Рома – по личной инициативе – разглядел, где мы находились. И один, физически полный доходяга, взял два ящика (один с патронами, другой с гранатами) и пошёл в нашем направлении. И дошёл таки до нас...

А тогда Рома, это пьяное чучело, такое отчебучил! Почему-то ни с того ни с сего он стал крутиться возле окон, которые на сторону «духов» выходили. Ему говорят: «Смотри, отойди от окон! Будет тебе «аллах акбар». Рома в ответ: «А чего мне этот «аллах акбар?!» Есть же «Христос Воскресе!». И вдруг с криком «Христос Воскресе!» вываливается в окно. Мы высунулись – хотели его назад затащить. Видим – а «духи» у нас прямо под окнами! Рома на них сверху и упал. Оказалось, что «духи» скрытно подошли к дому и уже продвигались вдоль стены. Прохлопали мы их, не выставив боевого охранения.

Рома с криком: «Христос Воскресе!» на «духов» падает. Те на мгновение опешили. Эта минутка и спасла нас. Тут уже вся наша толпа с криками: «Христос Воскресе! Ура!» в окна повалила. Это была моя вторая в жизни рукопашная. Тот журналист, кто об этом случае одним из первых рассказал, написал: «Хруст ломающихся костей, хрипы удушенных...». Да что на самом деле в такой момент запомнишь? Ничего! Всё мелькает перед глазами, картинка быстро-быстро меняется...

Наши находились в двух-трёх кварталах от нас. Как мы сквозь «духов» к ним прорвались – не знаю... Нам потом рассказали, что на штурм университета пошли арабские наёмники. Но мы прошли через атакующих все до единого! Ни один не отстал и даже никто не был ранен. Это настоящее чудо. Так сказать, небывалое бывает...

Когда ещё я вычислял снайпера в памятнике, то в какой-то момент мельком глянул на мальчишек-пехотинцев. Мне стало их так жалко!.. Сидят серые, замученные, понурые. Ну, ладно, мы-то взрослые мужики. А эти же салаги совсем! Вот тогда я, наверное, первый раз в жизни Богу серьёзно помолился. Как мог, конечно. Сказал про себя: «Господи, останутся они живые, вернуться домой – я Тебе храм построю!». Именно этот момент, как потом оказалось, полностью изменил всю мою жизнь...

В январе 1995 года в Грозном работали и подразделения ГРУ, и эфэсбэшники. С ними нам как-то удавалось взаимодействовать. А вот с подразделениями МВД взаимодействовать не получалось вообще никак! Помню, как одна наша группа вышла в рейд. Там нарвались на кого-то, кого не смогли сразу идентифицировать, и бились с ними целую ночь. Выходит наша группа с нами на связь и говорит: «Слишком хорошо работают, остервенело. Не «духовский» это почерк». Мы сделали запрос в ФСБ и МВД, есть ли в том месте их подразделения. Из ФСБ отвечают: «Нет. А что случилось?». Так и так, объяснили им ситуацию. Они: «Не, не, не... наших там точно нету». А из МВД в ответ: «С какой целью спрашиваете?». – «Вы скажите: есть там ваше подразделение или нет?». А эфир-то открытый! Читать его могут все. – «Мы вам не можем сказать, есть ли там кто-то из наших или нет». – «Наша группа там сейчас работает. Поэтому, мужики, если ваших там нет, то наши тех, с кем они сейчас воюют, замочат. И если это ваши, то виноваты будете в этом только вы!». – «Эй, вы что? В каком районе? Вы что там делаете? Там наша группа!». – «Мы вас уже полночи спрашиваем: есть там ваши или нет? А вы сопли жуёте!». – «У нас конспирация...». В результате – два «двухсотых» с той стороны. И у нас «трёхсотые» были. Вот такое было взаимодействие с МВД. Подумали, наверное: ещё какие-то армейские их будут о чём-то спрашивать!.. Там ведь эмвэдэшный крутой спецназ работает! Ну вот и поработали...

Уже в начале февраля 1995 года, накануне операции на площади «Минутка» в центре Грозного, мы вышли на улицу Ленина. На внутренней части поворота улицы находятся женская консультация и подземный гараж. На другой стороне стоят большие высотные здания. Мы внутреннюю часть улицы захватили и закрепились. Точно не знали, но предполагали, что завтра здесь будет завершающая операция.

Наша задача была обеспечить выход наших войск на площадь с этой стороны. Перед нами – подземный гараж. Оттуда нашу часть улицы постоянно обстреливали. «Духи» тем самым вынуждали нас уйти с позиции. Самим нам стрелять по подземному гаражу было бесполезно. Его ничего не возьмёт, даже гранатомёты. Гранаты попадают по касательной и уходят в сторону или вверх. А руками гранату не добросишь, до гаража ведь метров сто. К тому же «духов» в гараже прикрывали несколько человек со здания рядом.

Нашей группе ставят задачу: загасить гараж! Как раз тогда нашего командира резко забрали оперативники. Им надо было провести разведку и проверить мост. Поэтому командир мне говорит: «Веди группу ты!». В группе нас было пятеро. Решили: даём такую своеобразную стометровку через шоссе и проскакиваем открытое пространство. Дальше залетаем в гараж, всё внутри забрасываем гранатами и заливаем огнём автоматов.

После Абхазии у нас появилась традиция: перед каждым своим выходом на задание мы читали молитву «Отче наш». И сейчас, готовясь к броске, начинаем читать молитву. Читаем, читаем... Полковник Николай Баталов, комбриг 74-й юргинской мотострелковой бригады, к который мы были прикомандированы, вышел нас проводить. Стоит рядом. Стоит, смотрит... Мы читаем «...и избави нас от лукавого». После этого обычно на счёт «раз, два, три!» мы идём. Раз, два... Мы сейчас вот-вот рванём, и нас уже ничего не остановит! Вдруг комбриг говорит: «Ребята, я с вами!». – «Куда – с нами?!».

У меня было небольшое право комбригу возражать, потому что он не был моим непосредственным командиром. Он командовал мотострелковой бригадой из города Юрга, а я был из другой бригады. У мотострелков в самом начале штурма своя разведрота почти вся полегла, вот нас к ним и прикомандировали. Говорю: «Товарищ полковник, извините. Тут такая ситуация... Вы не можете с нами пойти, потому что я вас не возьму». – «А я тебе приказываю!». – «Вы не можете мне приказывать. Вы не мой командир». – «Чего?! Я твой временный командир!». Говорю: «Нет! Если с вами что-то случится, я пойду под военный трибунал. А мне этого не надо». Полковник уже снизил тон, заговорил по другому: – «Ну, ребята! Ну, пожалуйста! Я с вами! Ну, пожалуйста!». Я посмотрел на него – в руках автомат, на голове «сфера». Говорю: «Ладно. Только позади нас. Если с вами что-то случится – запнётесь или ещё что-нибудь, – мы оглядываться и ждать вас не будем». Человек он был хоть и немолодой, но вроде крепкий. Настоящий сибиряк. Говорит: «Всё будет нормально! За меня не беспокойтесь!».

Опять считаем: раз, два, три... И рванули! Проскочили мы эту своеобразную стометровку с полным вооружением так быстро, как спортсмены никогда не бегают. Так могут бегать только солдаты в боевой ситуации. Пробежали на одном дыхании, молча. Сначала в гараж гранаты забрасываем, потом сами влетаем. За считанные секунды проскочили весь гараж и всё внутри забросали гранатами. Остальное залили автоматами. Чисто...

Полковник нам говорит: «Мужики, я первый раз за свою армейскую практику вижу, как спецназ работает. Я не зря с вами побежал. Это же так классно!». Те «духи», которые были в доме напротив, не ожидали, что мы в гараже окажемся. Мы сразу шибанули по окнам и заставили их уйти. Они же не знали, какими силами мы выдвинулись. Решили, наверное, что если мы гараж зачистили, то потом пойдём зачищать их. Скорее всего, в высотке их было немного. Поэтому они и решили высотку оставить. Оттуда нас потом уже не беспокоили.

Вечером мы расположились в пустых квартирах. Электричества в Грозном тогда уже, по понятным причинам, не было. Мы повыбивали паркет и сначала прямо на полу разожгли костёр. Потом плиту газовую расстреляли немножко и сняли с неё верхнюю часть. Так у нас появилась печка. Где-то нашли консервы, где-то – ещё какие-то продукты. Нашли даже популярный тогда «наполеон»... Это был не коньяк, а пропитка для тортов. Вязкая, по вкусу похожая на сливки. Градусов под сорок точно.

Повар у нас был очень хороший – Коля Гамаюнов, контрактник. Он из всего этого настоящий пир нам устроил! Даже спагетти сварил. Сидим себе культурно, ужинаем. Горячка боя прошла. Все очухались. Опыт у нас к тому времени был уже большой. Долго мандраж не бьёт, боевая дрожь быстро проходит. Сидим, анализируем, что сделали неправильно, а что – правильно. Командир наш как раз от оперативников приехал: «Ну что, как вы? Гараж взяли? Всё нормально? Ну и хорошо». Тут как раз заходит комбриг. «Мужики, а вы снова куда-то собираетесь? Я с вами пойду!». – «Не-е-е, вы с нами больше не пойдёте... Хоть убейте!». И тут он нам говорит: «Послушайте, просто мистика какая-то! Когда вы стали читать молитву «Отче наш», я увидел, как на вас медленно опускается какой-то прозрачный колпак. Вы читаете молитву, а этот колпак медленно-медленно на вас опускается. И я понимаю, что в этом колпаке будет безопасно! Он всё закрывает, ничего в тебя не попадёт. У меня такая уверенность появилась! Я тоже захотел под этот колпак встать!». – «Да ладно... Точно, что ли, колпак?». Человек вроде не пил ещё пока. Но по его виду мы поняли, что он говорит правду.

Был у пехотинцев из Юрги один очень хороший офицер. Капитан, разведчик. Мы с ним сдружились. Звали Валентин, а погоняло у него было «Туча». Здоровый такой! Как-то мы с ним заспорили. Валентин говорит: «Вы что, десантники, думаете, что вы самые крутые?». К тому моменту мы уже поели, «наполеона» выпили. У нас тогда и первое было, и второе. Первый раз в моей жизни я ел из хрустальной посуды! Первое – в хрустальной тарелке, второе – в другой хрустальной тарелке. Съешь первое и – хрясь тарелку об стенку или о пол! По опыту мы знали, что вслед за нами придут наши менты и будут всё более или менее ценное собирать. Поэтому и били хрусталь, чтобы им не досталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.